

Готтлоб Эрнст Шульце

**Психическая антропология,
или Опытное учение о жизни
человека по духовной его
стороне**

Выпуск 2. Глава 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш95

Ш95 **Шульце Г.**
Психическая антропология, или Опытное учение о жизни человека по духов-
ной его стороне: Выпуск 2. Глава 4 / Готтлоб Эрнст Шульце – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 280 с.

ISBN 978-5-521-38731-1

ISBN 978-5-521-38731-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

каго либо непріятнаго пѣлеснаго чувства. Даже при продолжительномъ направленіи вниманія на какойнибудь видимый или только мысленный предметъ, — вслѣдствіе большаго напряженія упомляется и пущетъ не хотѣніе, которое при семъ обнаруживается внимательностію, но сила познавательная, которая хотѣніемъ поставляется въ дѣятельность, или почтѣ, пѣлесное орудіе, при дѣйствіи познанія — приходящее въ дѣятельность.

На самой нижшей степені жизни желаніе совершается безъ всякаго сознанія, даже безъ всякаго различенія наспоящаго или будущаго. Описаніе, какое мы дали въ семъ § желанію, предспавляетъ его въ томъ видѣ, какъ оно обнаруживается въ чело-вѣческой природѣ, поднявшейся уже на извѣспную степень образованія.

§ 182. То, чего мы спараемся доспигнуть силою своего желанія, всегда есть (внупренное или внѣшнее) соспояніе нашей личности, а опнюдъ не что либо опъ него оплично. Если желаніе наше и обращается иногда къ какой либо вещи, то не потому, чтобы мы желали сей вещи для нее самой; но (на пр. въ безкорыспныхъ усиліяхъ для блага другихъ) въ семъ желаніи мы имѣемъ въ виду поставивъ себя въ особое опношеніе къ вещи (получить ее, или удалить опъ себя) опношеніе, которое за тѣмъ само даетъ уже извѣстное опредѣленіе нашему соспоянію.

§ 183. Опъ желанія опычающъ еще *отвра-*

щеніе (или желаніе отрицательное). Предметъ первого, какъ мы уже видѣли, составляетъ или самое соспояніе нашего лица, или только вещи, которыя своимъ вліяніемъ на насъ по соспоянію производятъ. Цѣль послѣдняго, — хотя въ первомъ видѣ есть одно удаленіе извѣснаго соспоянія нашей личности, — въ дальнѣйшемъ, посредственномъ развитіи есть достиженіе другого соспоянія лучшаго. Так. обр. отвращеніе составляетъ только особое опредѣленіе желанія.

Ко всякому предмету, который мы желаемъ поставить въ извѣстное отношеніе къ нашему бытію, мы чувствуемъ *любовь*; напрошивъ *ненавидимъ* все, что отношеніемъ къ нашему бытію возбуждаетъ наше отвращеніе.

§ 184. Верховный законъ для всякихъ обнаруженій желанія соспоить въ зависимости ихъ отъ вліянія чувствъ. По сему закону мы желаемъ только такого соспоянія нашей личности, которое правится, или сознаніе котораго возбуждаетъ пріятное чувство, и только того отвращаемся, что не правится. Тѣмъ же закономъ опредѣляется и желаніе всѣхъ вещей, которыя служатъ способомъ къ достиженію соспоянія пріятнаго. Предметъ желанія называется *добромъ*, предметъ отвращенія *зломъ*. Добра тѣмъ сильнѣе желаешь, и зла тѣмъ сильнѣе отвращаешься, чѣмъ въ болѣе-шей мѣрѣ то или другое представляется; — это также есть слѣдствіе указаннаго закона, рав-

но какъ и то, что мы большее добро предпочитаемъ меньшему, и меньшее зло напропавъ того большему, хотя это предпочтеніе относятъ иногда на счетъ произвола.

Поясн. Если иногда кажется, что познанія и представленія возбуждаютъ желаніе непосредственно, безъ участія чувствъ сердечныхъ: то это произтекаетъ отъ того, что по причинѣ быстроты, съ какою желаніе слѣдуетъ за познаніями и представленіями, мы не примѣчаемъ чувствъ, оное сопровождающихъ. При томъ же отношенія предметовъ къ нашему благу или злу во многихъ случаяхъ довольно извѣстны намъ по прежнимъ опытамъ; тогда доспа-шочно одного темнаго воспоминанія о сихъ отношеніяхъ, чтобы дать извѣстное опредѣленіе нашей дѣятельности.

На счетъ того, добро ли чтонибудь или зло, мы можемъ ошибаться; при всемъ томъ и желаніе и отвращеніе, опирающееся на нашемъ образѣ сужденія о предметѣ, продолжается допоть, доколь продолжается само заблужденіе.

Если иногда человѣкъ находитъ, кажется, удовольствіе въ томъ, чтобы мучить себя, то это только обманъ недоразумѣнія. Состояніе, которое съ одной стороны представляется намъ зломъ, разсматриваемое съ другихъ сторонъ можетъ быть благомъ. Къ тому же темныя чувствованія могутъ порываться и къ такимъ дѣйствіямъ, коихъ слѣдствія, по суду сознанія яснаго, дѣйствительно суть зло.

§ 185. Въ томъ, что составляетъ для человека добро или зло, есть значительная разность не только по основаніямъ внѣшнимъ (количественнымъ) но и внутреннимъ. Сія разность зависить отъ раскрытой нами во второй главѣ настоящаго отдѣленія разности родовъ чувствъ. Многіе предметы имѣютъ качество добра и зла по отношенію къ самолюбію чувственному, другіе напротивъ того по отношенію къ силамъ, коими человекъ возвышается надъ животными. Но добра и зла одного изъ сихъ родовъ никакъ нельзя измѣрять или опредѣлять въ достоинствѣ сравненіемъ съ благами другаго. Каждое благо или зло имѣетъ самостоятельное качество и цѣну, собственно ему принадлежащую. По сему и нравственнаго добра въ строгомъ смыслѣ по сравненію съ благами чувственными, не должно бы называть благомъ *высочайшимъ* для человека по отношенію къ его разуму оно есть единственное благо. На сему впрочемъ различеніи благъ по ихъ отношенію къ уму, или къ чувственности, опирается и раздѣленіе желанія на нижшее, или чувственное и высшее, или разумное. Двухъ сихъ родовъ желанія не должно представлять себѣ подъ видомъ двухъ различныхъ отраслей; но только какъ два различныя направленія, или опредѣленія одной и той же способности, произтекающія изъ вліянія, какое имѣютъ на нее различныя силы, ее опредѣляющія. Умъ, покуда опредѣляетъ желанія наши

идеями нравственно добраго, именуется *практическими*.

И изъ благъ, которыя сполнѣ въ отношеніи къ чувственному самолюбію, каждый классъ имѣетъ свое особенное достоинство, которое не можетъ быть замѣнено благами другаго класса. Для любочестиваго всѣ наслажденія вкуса никакъ не вознаграждаютъ потери чести. Равно и чувственно добраго ищутъ люди также, какъ и нравственно добраго, единственно для нихъ самихъ.

§ 186. За желаніемъ часто слѣдуетъ немедленно и дѣятельность, потребная для достиженія желаемаго состоянія, или средствъ, къ нему приводящихъ. Но нерѣдко — только послѣ предварительнаго *разсужденія* (по разсмотрѣніи н. е. мыслей, которыя мы можемъ взять въ руководство при своихъ дѣйствіяхъ) опредѣляютъ мы: должно ли, или не должно удовлетворить своему желанію, и если должно, то какимъ образомъ, или какими средствами, чтобы послѣ не раскаиваться въ своемъ поступкѣ. Сіе разсужденіе, переходящее часто въ колебаніе нашего я между намѣреніемъ дѣлать и не дѣлать, можетъ продолжаться долѣе или менѣе, даже сдѣлаться очень тягостнымъ. Окончаніе онаго называется *рѣшимостію*, *намѣреніемъ*, или *волею*. Впрочемъ разсужденіе предполагаетъ уже развитіе человѣческой природы; малыя дѣти вовсе не разсуждаютъ, а необразованные только рѣдко.

§ 187. Послѣ разсужденія желаніе часто превращается въ *одно ожиданіе*, въ копоромъ мы не дѣлаемъ никакого употребленія изъ своихъ силъ, чпобы достигнуть своего желанія. Впрочемъ это бываетъ только въ томъ случаѣ, когда мы находимъ силы свои слишкомъ слабыми для достиженія желаемаго блага (поэтому-то безсильные люди богаты однѣми желаніями, и выполненіемъ ихъ занимаются только въ своемъ воображеніи); или когда опъ напряженія силъ, какое нужно для достиженія сего блага, опасаемся болѣе зла, нежели сколько удовольствія можетъ по видимому доставить само обладаніе благомъ. Относятся ли желаніе къ нравственному добру и оспается въ семъ видѣ однимъ желаніемъ, его называющъ *благочестивымъ*; благочестіе многихъ соспоишь въ однихъ желаніяхъ такаго рода.

Желанія могутъ продолжаться и послѣ того еще, какъ мы уже убѣдились въ недостижимости предмета оныхъ. Но излишняя къ нимъ привязанность и охота расширять исполненіе ихъ въ своемъ воображеніи предполагаетъ уже превращенное настроеніе ума и слабость духа.

Съ однимъ ожиданіемъ сходится и *жажданіе фантастическое*, которое обращено обыкновенно бываетъ къ благу, по законамъ самой природы для насъ недостижимому, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, чпо имъ мы сколько же мало достигаемъ желаемаго соспоиія, какъ и однимъ ожиданіемъ. Впрочемъ фантастическое жажданіе сопровождается нерѣдко и обманчивой мечпою, чпо цѣль сего достигнута, — какъ это можно часто видѣть на миссикахъ и мечшателяхъ. Далѣе

опть голаго ожиданія должно оплачивать *вождедѣтній и-опредѣленій*. При нихъ челоувѣкъ усиливается осво-бодиться опть наспоящаго состоянія, не имѣя впро-чемъ опредѣленнаго понятія о томъ лучшемъ состоя-ніи, въ которое хотѣлъ бы себя поставить. Такія желанія большею частію суть слѣдствія дурнаго ра-сположенія въ душѣ: но ими же обнаруживаются и первыя движенія извѣснаго побужденія (на пр. полова-го), когда волнуемый ими не знаетъ еще дѣйствія, ко-имъ побужденіе удовлетворяется.

§ 188. Вождедѣтаніе, для котораго постоян-ная основа находится въ самомъ существѣ жела-ющемъ, называется *побужденіемъ* (*Trieb*). Если сія основа есть нѣчто врожденное, то вождедѣтаніе называютъ *побужденіемъ природнымъ* (влеченіемъ). Всѣ побужденія, влекутъ за собою всегда спрем-леніе искать себѣ удовлетворенія, и происходятъ изъ восчувствованной уже потребности. Соеди-няемая ли съ природнымъ побужденіемъ опть самой природы какое-то представленіе или какое-то чаяніе того, что удовлетворитъ ощенной по-требности, его называютъ *инстинктомъ*. Тоже природное побужденіе называется уже *художествен-нымъ побужденіемъ* (*Kunsttrieb*) когда оно сопро-вождается врожденною (слѣдов. не такою, копо-рая бы произтекала изъ предварительнаго упраж-ненія) способностію производить, что необходимо для удовлетворенія побужденія. — Инстинкты и художественныя побужденія встрѣчаются въ жи-вотныхъ въ удивительномъ совершенствѣ, осо-

бенно въ насѣкомыхъ, имѣющихъ небольшой и неразвитый мозгъ. Въ нихъ сіи влеченія соспавляютъ какъ бы опъ природы данную смышенность, безъ которой они не могли бы продолжатъ своего существованія. И у человѣка въ первые годы его жизни примѣчающа большіе слѣды инстинкта; инстинктъ управляетъ нами до тѣхъ поръ, пока разсудокъ, наспавленный опыномъ, не приходитъ въ сосполеніе показывать человѣку, что удовлетворяетъ его настоящимъ попребностямъ. Напротивъ слѣдовъ художественнаго побужденія въ человѣкѣ никакихъ не видно, кромѣ развѣ способности, по которой новорожденное дитя безъ всякаго предварительнаго упражненія, будучи положено къ груди матери, тянетъ изъ нее себѣ пищу.

§ 189. Сила хотѣнія, поднявшись до извѣстной крѣпости, открываеца частію *постоянствомъ*, съ какимъ хотѣніе непрерывно направляется къ одной извѣстной цѣли, частію *твердостію воли* т. е. когда предпринятое намѣреніе исполняеца не смотря на препяпствія, какія при семъ надобно бываетъ преодолевать, не смотря на важныя и многочисленныя бѣдствія, коимъ можно при семъ подвергнуться. Высшій, только рѣдко обнаруживающійся, степень сей *твердости* есть *непоколебимость*, которая погда оказываеца, когда самыя очевидныя, великія опасности, происходяція совершенно нечаянно, ни оспана-

ливають, ни замедляють исполненія ~~предпріятія~~, однажды начашаго.

§ 190. Постоянство воли, которое и безъ твердоспи воли много совершаетъ въ мірѣ, и даетъ намъ важное превосходство даже надъ сильными пропивниками нашихъ намѣреній, зависить отъ твердоспи въ *образѣ мыслей* п. е. отъ пѣхъ сужденій о достоинствѣ вещей, копорыми каждый опредѣляетъ себя къ дѣйствованію (отъ его правилъ). Такого постоянства очевидно не достаеетъ тамъ, гдѣ сужденія о достоинствѣ предметовъ часто измѣняются; да оно и образуется въ насъ не ранѣе, какъ когда на сужденія сіи получаютъ вліяніе умъ, опредѣляющій цѣну вещей по ихъ природѣ и прочноспи ихъ дѣйствій, — какъ когда составлялся начала практическія. Можеетъ конечно и сильный и продолжительный напоръ чувственныхъ поспребностей дать постоянство желанію, успременному на ихъ удовольвореніе. Но твердоспъ и непоколебимоспъ воли опираются только на томъ свойствѣ души, которое называется *мужествомъ*. Сіе свойство естъ необходимое ихъ условіе.

Пополн. Господство, какое имѣетъ надъ людьми мода, дѣлаетъ большой подрывъ постоянству воли въ самомъ его происхожденіи; кромѣ того оно имѣетъ вліяніе на самое выдерживаніе принятыхъ началъ, — въ эпомъ легко убѣдись самымъ опытомъ. Тамъ, гдѣ въ разсужденія одежды, удовольствій, конми

можно наслаждаться, и вещей, которыми должно пользоваться для удобствъ жизни — все опредѣляется постоянно смѣняющеюся модою, непремѣнно происходятъ опвращеніе къ давнему и старомодному, а за тѣмъ легко подвергается перемѣчивости и образъ мыслей, хотя бы онъ касался предметовъ, имѣющихъ чрезвычайную важность для людей мыслящихъ; онъ образа мыслей не далекъ переходъ и до нравовъ. Модные журналы много способствовали происхожденію и скорому распространенію новыхъ, часто весьма вредныхъ понятій и началъ. Греки и Римляне совсѣмъ не знали эпихъ безвкусныхъ перемѣнъ (говорю безвкусныхъ, пошому что если бы мода опиралась основаніемъ своимъ на правильномъ вкусѣ, она не подлежала бы постояннымъ перемѣнамъ), въ которыхъ любители моды находили такое удовольствіе: — ихъ сужденіе о прекрасныхъ формахъ и очерпаніяхъ утверждалось на прочныхъ началахъ. За то у нихъ не происходило и той быстрой смѣны во мнѣніяхъ объ обществѣ, Религіи и добрыхъ нравахъ, кака оказалась во Франціи послѣ того, какъ парикмахерша и портной изобрѣшеніемъ новыхъ модъ получили нѣкоторое господство надъ большимъ свѣтомъ въ Парижѣ и чрезъ него и въ прочихъ областяхъ Франціи.

Онъ постоянства, твердости и непреоборимости воли совершенно отличны *необузданность страстныхъ пожеланій*; далѣе *упорство*, когда кто ошачся при принятомъ намѣреніи вопреки всѣмъ требованіямъ благоразумія и нравственности, во-